

Кюршунова И. А. Некалендарные личные имена в аспекте аксиологии / И. А. Кюршунова // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 186—203. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-186-203.

Kurshunova, I. A. (2019). Non-Calendar Personal Names in the Aspect of Axiology. *Nauchnyi dialog*, 10: 186-203. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-186-203. (In Russ.).

УДК 81'373.231(470.22):17.022.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-186-203

НЕКАЛЕНДАРНЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В АСПЕКТЕ АКСИОЛОГИИ¹

© Кюршунова Ирина Алексеевна (2019), orcid.org/0000-0002-7232-8756, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Институт филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет»; ведущий научный сотрудник сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук (Петрозаводск, Россия), kiam24@mail.ru.

Статья посвящена аксиологическому направлению, которое практически не востребовано в ономазиологических исследованиях, несмотря на внимание к нему различных гуманитарных наук. К анализу привлекаются некалендарные личные имена, зафиксированные в письменных источниках, соотносящихся с Карельским Поморьем и сопредельными с ним территориями, которые эпизодически становились объектом изучения. Особое внимание уделяется структурным и семантическим особенностям некалендарных личных имен. Доказано, что модифицированные формы и мотивационная база исследуемых антропонимических единиц представляли семейные ценности, среди которых главное место принадлежит ребенку (прежде всего новорожденному, младенцу), его внешности и качествам характера. Показано, что, помимо прозрачного мотива индивидуальной номинации, существовали скрытые, призванные, как и прозвища, содействовать успешным семейным трудовым отношениям, а также специфические, отличные от вторичных, прозвищных номинаций и предназначенные для охраны ребенка от несчастий, болезней, слеза, превращая тем самым некалендарное личное имя (преимущественно с этнокультурной базой) в обманный знак, опять же доказывающий, что появление и сохранение нового члена семейного социума предельно важно для древнерусского общества.

Ключевые слова: аксиология; историческая антропонимия; некалендарное личное имя; памятники письменности; Карелия; Поморье.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

1. Актуальность включения антропонимического материала в аксиологическое исследование

Вопрос о привлечении антропонимических единиц к изучению ценностных приоритетов общества является в отечественной ономастологии не столь уж новым. Выделяются работы, в которых научное сообщество обращается к осмыслению значимости индивидуализирующего знака в рамках теории познания [Арутюнова, 1999; Белецкий, 1992; Болотов, 1993; Лосев, 1990; Лотман и др., 1992; Ненашева, 2012; Руденко, 1988; Степанов, 2007; Суперанская, 1973 и др.]. В статье аксиологический аспект данной категориальной единицы естественного языка затрагивается лишь фрагментарно, поскольку сложная и неоднозначно понимаемая суть онима, его многофункциональность в разные периоды существования в разных социумах и особенности всевозможных изыскательских подходов должны стать предметом специального исследования.

Наш интерес в большей степени сфокусирован на информативной сущности антропонимов, на том, какие ценностные ориентиры, свойственные человеку и обществу, отражены в системе именований человека. Мы опираемся на работы, где обсуждается сама аксиологическая проблематика, связанная с изучением различных культурных фактов, нашедших преломление в языке. Аксиологическое направление более чем актуально для отечественного и мирового языкознания, см. например, монографии, статьи, материалы конференций, посвященные анализу системы человеческих ценностей и связанных с ней вопросов оценки у Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1984]; Е. Бартминьского [Бартминьский, 2000; 2005]; Е. Л. Березович [Березович, 2010]; И. Т. Вепревой [Вепрева, 2015]; Е. М. Вольф [Вольф, 1985]; А. Ф. Журавлева [Журавлев, 1999]; И. А. Стернина [Стернин, 1996] и др., а также статьи в таких сборниках, как «Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы» [Аксиологическая лингвистика..., 2005]; «Категория оценки и система ценностей в языке и культуре» [Категория..., 2015]; «Эволюция ценностей в языках и культурах» [Эволюция..., 2000] и др.

Опираясь на указанные исследования, тезисно отметим отдельные ключевые моменты данного актуального направления гуманитарного знания: система ценностей сопряжена с когнитивным, антропоцентрическим и этнолингвистическим аспектами; она отражается в категории оценок; духовные ценности являются ядерными и неразрывно связаны с языком; любая ценность (не только духовная) имеет практическую ориентацию; система ценностей иерархически структурирована и подвержена динамическим изменениям; «ценности определяют культурную и обще-

ственную тождественность носителей языка» [Бартминьский, 2011, с. 55]; система ценностей отдельного человека и общества в целом определяет деятельность человека, смысл его жизни.

Казалось бы, культурно-историческая ценность антропонимических единиц, их особая специфика — это аксиома, поскольку имя человека живет в определенную эпоху, развивается в определенной культуре на конкретной территории, а потому их изучение должно быть поддержано в работах по ономастике, этнолингвистике.

Однако аксиологический аспект, предполагающий целенаправленное привлечение антропонимов, практически не востребован, а если и избирается, то чаще всего внимание сосредоточено на современных ономастических данных (см.: [Богачева, 2009; Костюченкова, 2009; Морозова, 2016; Новикова, 2009; Рыгалина, 2012; Сергеева, 1991]), реже — на ономастике памятников письменности ([Гурская, 2015]).

Поэтому апелляция к антропонимическому материалу, зафиксированному в региональных письменных источниках, с точки зрения исследования системы ценностей более чем значима. Автор статьи уже обращался к анализу ономастикона Карелии XV—XVII веков с заявленных позиций. В центре внимания были прозвища, см. [Кюршунова, 2015]. В частности, было отмечено, что включение прозвищ в аксиологическую орбиту позволило увидеть приоритеты древнерусского социума (прежде всего крестьянского), определить через разнообразие оценок, которые содержатся во внутренней форме именования, главную сферу жизнедеятельности — это отношение человека к труду и отношения между членами социума.

2. Некалендарные личные имена как объект аксиологии

Цель настоящей работы — анализ аксиологических установок, содержащихся в некалендарных личных именах, извлеченных из делопроизводственных документов Карелии донационального периода. Отбор примеров, иллюстрирующих различные положения исследования, сконцентрирован преимущественно на источниках, описывающих территорию Карельского Поморья (Выгозерский погост, Шуйская и Кемская волости) и районы Дикой Лопи (Варзуга, Умба, Кереть, Ковда и др.), и обусловлен не только условиями проекта (см. сноску 1), но и особой представленностью этих регионов в источниках разного типа (официально-деловых и частно-деловых), дополняющих друг друга и позволяющих полнее и корректнее судить о составе ономастикона, особенностях функционирования имен. В ряде случаев в цепочку фактов, подтверждающих различные положения статьи, включаются примеры, отмеченные в других областях Карелии.

Некалендарные личные имена (или первичные) продолжали функционировать именно как личные имена в ономастической системе региона и Руси в целом, несмотря на возможное изменение ономастической сущности дохристианских именований, связанных с активным вхождением в оборот церковных имен.

Именно христианская миссия поставила эту антропонимическую единицу в промежуточное положение между календарной и прозвищной номинацией, трансформируя, с одной стороны, статус этой группы имен и особенности их использования в речи и сохраняя, с другой стороны, древнюю культурную традицию наречения новорожденных. Доказательством ономастических новаций является появившаяся двуименность. В делопроизводственных документах Карелии XVI века она обозначена примерами типа *Данило **Менишей** Фотеев сын*, купчая, 1517 года, Акты Соловецкого монастыря (далее — АСМ) [Либерзон, 1988, с. 30]; *Игнаша **Нечай**, Васильев наследник Заломаева*, купчая, 1523 /24, АСМ [Там же, с. 39]; *Власий **Волк** Иванов сын*, запись, 1527, АСМ [Там же, с. 33]; *Фома **Узрим** Иванов сын из Нюхци*, мировая запись, 1530 / 31, АСМ [Там же, с. 43]; *Павел **Корова***, закладная, 1548, АСМ [Там же, с. 87]; *Мишук **Скурятко***, п. Выгозерский, 1563 г., Писцовая книга Обонежской пятины (далее — ПКОП) [Покровский, 1930, с. 164]; *Ортемко Чурак*, п. Выгозерский, 1563, ПКОП [Там же, с. 163]; *Кирьянко **Бобрик***, п. Выгозерский, 1582 / 83, Книга Заонежской половины Обонежской пятины (далее — КЗПОП) [Чернякова, 1993, с. 200]; *Иванко **Боран***, п. Выгозерский, 1582 / 83, КЗПОП [Там же, с. 203]; *Терентей **Бурко** Степанов*, дело, 1578, АСМ [Либерзон, 1990, с. 109]; *Федор **Третьяк** Павлов сын Вепрева*, купчая, 1581, АСМ [Там же, с. 160] и проч. (жирным курсивом маркированы некалендарные личные имена, которые при двуименности следуют за календарным именем).

Кроме того, памятники письменности демонстрируют образцы функционирования данной группы имен в качестве личного имени, о чем свидетельствует их препозиционное положение (также выделено жирным курсивом) по отношению к другим компонентам именования, ср: ***Неклюд** Онореев сын из Шижни да **Негодяй** Иванов сын Дубровина*, закладная, 1543, АСМ [Либерзон, 1988, с. 63]; ключник ***Суторма** Безсоньев*, память, 1573, АСМ [Либерзон, 1990, с. 31]; казенной диячек *Соловецкого монастыря **Безсонко** Агеев*, купчая, 1573, АСМ [Там же, с. 35]; ***Торонка** Суздалцов*, сотная, 1575, АСМ [Там же, с. 65]; ***Плохой** Кудрявцев*, отпись, 1575, АСМ [Там же, с. 76]; ***Поздей** Терентиев сын Негодяева*, дело, 1578, АСМ [Там же, с. 109]; ***Истома** Высокой*, отпись, 1579, АСМ [Там же, с. 130] и проч. Отдельные антропонимы (*Бажен, Вешняк, Докучай, Ждан, Истома, Ма-*

лой, Меньшой, Нечай, Первый, Пятой, Третий, Ушак, Суббота и их модификаты) устойчиво занимают первое место в структуре именования, а следовательно, роль личных имен для них неоспорима.

Именно такие иллюстрации (около 800 случаев) привлекаются нами для определения ценностных установок, стоящих за некалендарным личным именем. Решение задачи предполагает обращение к структурным и семантическим особенностям данной антропонимической единицы.

2.1. Структурные особенности некалендарного личного имени как объекта аксиологического исследования

Что касается структурных особенностей некалендарного личного имени, то такие имена большей частью обрастали формантами. Ср. фиксации из документов Карелии XV—XVII веков: от *Баж-* — *Бажен(я)* — *Баженко*, *Бажатко*; от *Бел(ой)* — *Беляйко*, *Белянко*, *Белашка*, *Беля*; от *Буд-* — *Будай*, *Будайко*, *Буданко*, *Будыга*, *Будыня*; от *Бур(ой)* — *Бурак*, *Бурец*, *Бурка*; от *Ждан* — *Жданко*, *Жданец*; от *Мал(ой)* — *Малко*, *Мальга*, *Малаш(а)* / *Малашка*, *Малина*, *Мальш(а)*, *Малюк*, *Малюта*, *Малыга*; от *Меньшой* — *Менишак*, *Менишик*, *Менишичко*; от *Негодяй* — *Негодяйко*, *Негодяец*; от *Падора* — *Падорка*, *Падрушка*; от *Первой* — *Первак (Первяк)*, *Первуша* / *Первушка* / *Первушица*; от *Позд(н)-* — *Поздей* / *Поздейко* / *Поздеец*, *Поздняк* / *Позднячко*, *Поздыша*; от *Пятой* — *Пятко*, *Пятуня*, *Пятушка*, *Пятышка*; от *Ра(о)гоза* — *Ра(о)гозка*, *Ра(о)гозина*, *Ра(о)гозинка*; от *Руд(ой)* — *Рудак*, *Рудачко*; от *Суббота* — *Субботка*, *Суботица*; от *Сувор* — *Суворко*, *Суворец*; от *Сух(ой)* — *Сухан*, *Сушко*, *Сухарь*; от *Третий* — *Третьяк*, *Третьячко*, *Тренка*; от *Шестой* — *Шестак*, *Шестачко*; от *Шиш* — *Шишел*, *Шишолко*, *Шишуля* и т. д. За деривационным разнообразием, свойственным, впрочем, и календарным именам, видятся семейные взаимоотношения: участие, расположение к ребенку, родственные узы, близость, теплота, ласка. А следовательно, зафиксированные в модификатах форманты (*-ак-*, *-ан(к)-*, *-ат(к)-*, *-ач(к)-*, *-аш(к)-*, *-ел(к)-*, *-ен(к)-*, *-ец-*, *-ик-*, *-инк-*, *-иц-*, *-ич(к)-*, *-к-*, *-ук-*, *-ул(к)-*, *-ун(к)-*, *-ут(к)-*, *-ш(к)-*, *-ыг-*, *-ыш(к)-* и др.), скорее, были связаны с положительной (ласкательной) семантикой, органичной в семейном кругу. Тем не менее можно, как кажется, утверждать, что уже присутствовало и переосмысление диминутива в сторону уничижительности, поскольку модификат, оформленный различными формантами — это своеобразное свидетельство семейной иерархии: через суффиксальный формант передавались отношения между старшим и младшим членами семьи, что впоследствии было перенесено и закреплено в официальной сфере, в социуме, большем, чем семья.

2.2. Внутренняя форма некалендарных личных имен как источник исследования ценностных установок древнерусского общества

Теперь о семантической стороне некалендарных личных имен.

Некалендарные личные имена, как и прозвища, можно назвать «говорящими», поскольку внутренняя форма именования связана в конечном итоге с апеллятивом, ср. *Первуша* — ребенок, который родился в семье первым (*Первуша* ← [*Первый*] ← *первый*); *Вешняк* — ребенок, который родился весной (*Вешняк* ← [*Весний*] ← *вешний*); *Ждан* — ребенок, появление которого ждали в семье (*Ждан* ← *ждати*) и т. д.

Таким образом, некалендарное личное имя уподобляется свернутому тексту, соотносимо с мотивом именования. Отдаленность во времени позволяет видеть в свернутом тексте некие интерпретационные вариации, ср. *Медведь* — ‘ребенок, которому желали быть таким же сильным, как *медведь*’ или ‘ребенок, родившийся во время охоты на медведя’ и под.; *Беляйко* — ‘ребенок, который при рождении имел светлые волосы или кожу’, или ‘ребенок, который при рождении имел и светлые волосы, и светлую кожу’; *Истомка* — ‘ребенок, который измучил роженицу во время родов’ или ‘ребенок, который вывел из равновесия родителей беспокойным поведением во младенчестве’ и под. Добавим, что за некалендарным личным именем мог находиться не просто свернутый текст, а комплекс таких текстов, или мотивационная база (см. [Кюршунова, 2016, с. 57—58]). Разумеется, следует отметить определенную гипотетичность представленных рассуждений, однако они верифицированы сведениями из мифологии, фольклора, этнографии, диалектных нарративов и под., где содержится информация о различных сторонах жизнедеятельности человека, отправляющая нас опять-таки к семье и ее ценностным ориентирам. Более того, внутренняя форма самих личных имен дает немало сведений для размышлений в аксиологическом ракурсе.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к анализу причин появления индивидуальных номинаций, связанных с рождением, появлением ребенка на свет, особенностями младенчества. Несколько отступая от привычных в ономастике классификаций некалендарных личных имен и в то же время опираясь на них, рассмотрим заявленный аспект на примере следующих групп некалендарных антропонимов: 1) пожелательные имена; 2) имена, которые можно сгруппировать по семантическому признаку внутренней формы, или характеризующие имена; 3) имена с этнокультурным наполнением. Рассмотрим их подробнее.

Как нельзя лучше тему сконцентрированности на ребенке — главном объекте номинации — передают пожелательные имена-компози-

ты, бывшие достаточно активными не только в княжеской среде и входившие в высокий «идейный» ряд мира, святости, добра, любви, славы, достатка [Топоров, 1993, с. 63]. Репертуар композитных имен и их модификатов, разворачивающих пожелательную экспликацию, в древнерусском ономастиконе было немало (*Будимир, Всеволод, Владимир, Воинег, Доможир, Добромир, Святослав, Ярослав* и др.). В ономастиконе Карелии отмечены в основном откомпозитные модификаты (*Будай / Будайко, Будаец; Воин / Воинко, Володимерко, Гость / Гостюш(к)а; Гудайшко, Домашней / Домашка, Добрыня, Житко, Путил(к)о, Путята / Путяйко, Хвалим*), которые через гипокористики могли сохранять эту древнейшую мотивацию.

Однако в некалендарном ономастиконе немало и характеризующих имен, представляющих различные аксиологические грани, стоящие за личным именем. Покажем это на примерах антропонимов, объединенных общим мотивом именования. Так, именования, отражающие внешние особенности новорожденного (*Белашка, Беляйко, Бурка, Бурец, Грибайшко, Короткой, Лехкой, Малка, Малейка, Малютка, Русачко, Русинко, Рябина, Серко, Тонкой, Ушачко, Ширяйка* и проч.), без сомнения, свидетельствуют о существовании эстетического критерия, вниманием к облику новорожденного. И если в прозвищной номинации, призванной оценить внешность взрослого человека, выявляются такие параметры, как *молодой ~ старый, аккуратный ~ неаккуратный, здоровый ~ больной, красивый ~ некрасивый*, то у некалендарных имен актуальна только последняя альтернатива — *красивый ~ некрасивый*, где смысл ‘некрасивость ребенка’ сглаживается как раз на формальном уровне через использование суффиксов. Ср: пск. *Грибанко* (*грибáн* ‘человек с толстыми губами’ [СРНГ, вып. 4, с. 140]), *Завьялко, Лобанко, Невзор, Некраско, Обрютка* (*обрюта* ‘пузатый ребенок, толстое, неуклюжее животное’ [Фасмер, т. 3, с. 108]), *Скуратко, Сушко, Толстик, Худячко* и проч.). Все это говорит о значимости внешних данных младенца, особом желании видеть физическое совершенство. Неслучайно эта группа имен отличается большим разнообразием характеристик.

Сказанное относится и к другой группе некалендарных личных имен. Это индивидуальные номинации, обозначающие особенности поведения, проявлявшиеся у ребенка с детства. Ср: *Буторка, Верецага, Веселко, Ворошилко, Гневашко, Грибайшко* (арх. *грибан* ‘угрюмый, вечно недовольный человек’ [СРНГ, вып. 7, с. 140]), арх., волог. *Докучайка, Замятня, Истомка, Рогозинка* (*рогоза* ‘сварливый человек’ [Доп., с. 223]), *Рычко, Смирка, Суворко, Томилко, Угримко, Улыба, Шумилко* и проч. Среди таких именований единичны положительные референции, и особое значение получает

сглаживающий отрицательную характеристику суффиксальный формант, роль которого уже показана нами в данном исследовании.

Другие группы некалендарных личных имен, как то: порядок появления ребенка в семье (от *Первой* до *Девятой*, а также *Поздей*, *Поздняк* и их модификаты); время рождения (*Вешняк*, *Зима*, *Морозко*, *Падора*, *Подосенко*, *Посник*, *Субота*, *Суморок* и др.); отношение родителей к новому члену семьи (*Баженко*, *Дорогой*, *Ждан*, *Миляш*, *Нежданко*, *Нелюбка*, *Нечайко*, *Поспелко*, *Собинка* и проч.), — а также рассмотренные выше группы по внешним и внутренним качествам именуемого большей частью имеют достаточно прозрачный мотив именования и по-разному рисуют образ семьи и ее отношение к ребенку. Казалось бы, в таких примерах, как именования, содержащие компонент *Не-* (*Неждан*, *Некрас*, *Нелюбка*, *Нечаец* и под.) или включающие в мотив именования отрицательную семантику (*Томило*, *Истома*, *Вязга*, *Угримко*), следует видеть не заботу, расположение, ожидание появления нового члена в семье, а различные фобии, обусловленные появлением ребенка, что и отразилось во внутренней форме некалендарного антропонима.

Однако среди некалендарных личных имен есть еще одна группа, содержащая во внутренней форме мотив охраны. Например, имена *Бутас*, *Жихарь*, *Мар*, *Сиверик*, *Шишуля* и др. восходят к названиям народных мифологических персонажей низшей демонологии. Апотропеический мотив, содержащийся в основах этих именований, заставляет задуматься о возможной амбивалентности мотива именования у других групп имен. Действительно, почему одни имена должны были хранить ребёнка от бед и несчастий, а другие, кажется, не содержали такой мотивационной семантики?

Взгляд на «прозрачный» мотив первичных именований под другим углом позволил предположить, что в каждой обозначенной группе некалендарных антропонимов существовали еще и скрытые мотивы индивидуализации лица, доказывающие, что ребенок — главная ценность средневекового семейного коллектива.

Предполагая, что, например, самая частотная группа именований, связанная с порядком появления ребёнка в семье, могла отражать его охрану от смерти, пожелание всему роду иметь большую семью, то есть за первым ребенком обязательно должен появиться второй, третий и т. д. Дополним список возможных мотивов именования обращением к данным мифологии, фольклорным нарративам. Они дают возможность для допущения: за такими именами мог находиться мотив, обусловленный магией числа. Ведь до настоящего времени известны прежде всего у славян пред-

убеждения по поводу четных и нечетных чисел, где нечетное количество предметов, людей, явлений оценивается положительно и противопоставляется четным позициям как отрицательным [Толстая, 2010, с. 208—259]. Возможно, неслучайно среди числовых имен (судя по количественным показателям, востребованным ономастической системой Карелии XV—XVII веков) первичных антропонимов, восходящих к порядковым числительным с нечетной семантикой, намного больше, чем антропонимов, в основу которых положен компонент с четной количественной семантикой. Сравним показатели: 1) обозначения лиц с именем *Первой* и его модификаты — 84 номинации; соответственно с именем *Третий* — 279, *Пятой* — 25, *Девятой* — 10, сюда же и именование *Шестой* — 31, вероятно, как удвоение нечетного числа три (исключая единичное именование *Седьмой*); 2) имена, восходящие к четным числам: антропоним *Второй* фиксируется лишь в 6 случаях, а *Четвертый* и *Восьмой* только дважды. Безусловно, данная гипотеза требует проверки на более широком фоне источников по другим территориям Руси, но уже несомненно, что только счетная семантика не была единственной у таких имен, и, более того, ее сохранение могло быть поддержано христианской (библейской) традицией, где, например, *один* трактуется как «Бог», *два* является ассоциацией со скрижалями Моисея, *три* — три патриарха, три персоны, Троица и т. д. (см. подробнее [Толстая, 2010, с. 208—259]).

Следовательно, среди ценностных координат мотив охраны ребенка и пожелания не должен связываться только с теми некалендарными личными именами, которые многие исследователи относят к апотропеям.

Охранная функция стоит за каждой группой некалендарных личных имен. Как нельзя лучше данное утверждение вписывается в мотивацию имен по времени рождения (*Вешняк, Зима, Мороз, Падерка, Подосенко, Сиверик, Суморок, Торопко* и др.). Эти универсальные для всех территорий средневековой Руси именования призваны были не только обозначать время появления на свет, но и охранять новорожденного от действия природных стихий, погодных несчастий, практически непредсказуемых для северных регионов Руси, а потому ставили ведение хозяйства в особое положение. Возможно, наречение таким именем входило в обряд, обусловленный погодной магией.

Как магический ритуал, призванный уберечь младенца от порчи, глаза, болезни, можно рассматривать и наречение именами, представляющими отношение родителей к факту появлению ребенка в семье. Неслучайно в этой группе имен (*Нежданко, Нелюбка, Несвойка* и др.), а также среди именовании, указывающих на внешние качества ребенка (*Невзор,*

Незамайко, Некрас, возможно, *Немятой*), качества характера (*Невежа, Неклюдка, Неудача, Неупокой, Неустрой*), выделяется в структуре имени компонент *Не-*, выполнявший функцию отвращения любого зла. На их фоне имена типа *Бажен, Ждан, Любим, Миляш* и под. с «любящей» семантикой можно рассматривать как номинативную индивидуальную инновацию и видеть в этом определенную смелость номинаторов, ушедших от имен с отрицательной семантикой к индикативному контексту.

Однако вернемся к самим именам-апотропеям, главное назначение которых — быть защитой, охраной от смерти, болезней, сглаза, вообще любой опасности, каким-либо образом грозившей ребенку. Думается, что под защиту попадает не только ребенок с таким именем, но и вся семья в целом, выбравшая такое именование.

«Чистые» имена-апотропеи в плане защиты ребенка переплетаются с именами с этнокультурным контекстом. Так, выборка из ономастикона Карелии XV—XVII веков антропонимических единиц, занимающих позицию личного имени, а также примеры с двуименностью показали, что в тематическом плане такие номинации могут подразделяться на разные группы и восходить к названиям различных реалий, за которыми также кодируется охранный смысл. Это названия животных, растений, бытовых предметов, частей тела, продуктов питания, цветового спектра, природных и погодных явлений. См. примеры таких именовании, уже фигурирующих в статье (*Бобрик, Боран, Волк, Корова, Чурак*); добавим еще ряд иллюстраций именовании жителей Поморья, где выделенный компонент попадает под критерии первичной некалендарной номинации: *Полярк Ильин сын Квашинин*, 1518, АСМ [Либержон, 1988, с. 31]; *Данило Блин Григорьев сын*, купчая, 1518 / 19, АСМ [Там же, с. 32]; *Кошель Кузьмин сын, Василий Синица*, купчая, 1520, АСМ [Там же, с. 35]; *Онцифор Кулик Леонтьев сын, варзужанин*, закладная, 1547, АСМ [Там же, с. 78]; *диака Василий Ступа Андреев*, жалованная, 1555, АСМ [Там же, с. 59]; *Шанза*, п. Выгозерский, 1563, Писцовые книги Обонежской пятины [Покровский, 1930, с. 161]; *Гаврилка Кошка*, сотная, 1575, АСМ [Либержон, 1990, с. 65]; *подьячий Муха Офонасьев*, отпись, 1577, АСМ [Там же, с. 100]; *Бобр Никитин сын*, договорная, 1578, АСМ [Там же, с. 116]; *Рогоза*, кемлянин, закладная кабала, 1581, АСМ [Там же, с. 161] и проч. (более 140 подобных примеров в официально-деловых документах всей территории Карелии XV—XVII веков). Закономерно допустить у выделенных именовании функцию прозвища при развитии переносного значения. Однако, опираясь, например, на данные словаря «Славянские древности», отметим отдельные детали некоторых приведенных здесь имен. Так, пищевые имена (*Блин, Шаньга*, а также *Бе-*

бень, Каша, Кисель, Кеж, Курник, Луста и др.) могли отражать поведение матери во время беременности и тем самым определять пол будущего ребенка, его внешность, характер, судьбу [СД, т. 4, с. 61—64]. Популярными были и различные имена, образованные от названий растений (типа *Рогозинка*, *Капуста*). Как отмечает Л. Н. Виноградова, растительный код отражает поверья о появлении детей на свет [Виноградова, 2000, с. 353]. Каждое такое имя требует индивидуальных разысканий и решений, однако ясно, что за ними — связь с различными мифами, ритуалами, обычаями, которые дают право рассматривать имя ребенка как охранный знак, а количество имен, входящих в различные группы с этнокультурным наполнением, говорит о важности отдельных явлений, артефактов, акциональных ситуаций в жизни северного крестьянина.

Более того, в таких именах отражается мистификация обстоятельств появления ребенка на свет, переводящая имя ребенка в знак-обман, что позволяет выдвинуть еще одну ценностную координату, обусловленную одной из ключевых оппозиций не только в народном менталитете, но и среди когнитивных структур вообще, — оппозицию «свой — чужой» [Леонтьева, 2015, с. 209]. Прочитывается мотив чужого, случайно найденного, купленного, посланного божественными силами ребенка, не относящегося к семье и реальным родителям, когда «подателями детей выступают животные, птицы, растения, природные стихии <...> детей покупают» [Виноградова (со ссылкой на Гаврилюк), 2000, с. 349], ребенок может быть якобы обнаружен среди домашней утвари, в продуктах питания и т. п. Дополним: мотив чужого ребенка можно увидеть и в именах с тюркской основой (*Бусурман*, *Казаринко*, *Курбатко*, *Муратко*, *Рахманин*, *Тарханко* и проч.), см.: [Кюршунова, 2016, с. 149—155].

В мотивационных коллизиях можно усмотреть маркеры еще одной скрытой ценности — трудовой деятельности, важнейшей сферы жизни всего человеческого общества. Данный аспект объединяет некалендарное личное имя и экспрессивно-оценочные прозвища. Поясним: в основе прозвищ находятся экспрессивы, указывающие на различные физические или морально-этические отклонения, мешавшие человеку трудиться, а потому люди, имевшие их, были отмечены социумом большим, чем семья, через индивидуальную номинацию. Подобным образом и отдельные группы некалендарных личных имен имели имплицитную трудовую мотивацию: желание иметь здорового, спокойного ребенка, который не отвлекал родителей и всю семью от выполнения работы, отразилось в именовании. Обратим внимание на такие имена, как *Истома*, *Томила*, *Будай*, *Гневаши* и проч., входящие в группу номинаций новорожденного по качествам ха-

рактера, проявляющимся с детства. Под цели и мотивы трудовой деятельности были подстроены уже описанные выше некалендарные антропони-мы по порядку рождения. В условиях позднего средневековья это было немаловажно, поскольку семья с достаточным количеством прежде всего лиц мужского пола могла выполнить большой объем работы и тем самым обеспечить доход для всей семьи.

3. Заключение

Таким образом, структурный и семантический анализ некалендарных личных имен с точки зрения аксиологии показал, что центром семейного социума был ребенок. В его индивидуальной номинации через модифи-каты и внутреннюю форму антропонима отражены важность появления на свет, внимание к внешним и внутренним особенностям, настрой на иде-альный эстетический и поведенческий план жизни, за которым скрыта главная для древнерусского общества линия — возможность трудиться; эта идея объединяет некалендарные личные имена и прозвища. К скрытым мотивам номинации следует отнести охранную функцию, которой прони-зан практически весь некалендарный ономастикон. В данном случае особо выделяются личные имена с этнокультурным наполнением, виртуально ставящие ребенка в чужой, не связанный с семьей мир, что еще раз дока-зывает ценность включения нового члена в семейный коллектив.

Принятые сокращения

1. АСМ — Акты Соловецкого монастыря.
2. КЗПОП — Книга Заонежской половины Обонежской пятины.
3. ПКОВ — Писцовая книга Обонежской пятины.

Источники и принятые сокращения

1. Доп. — *Опыт областного великорусского словаря*, изд. Вторым отделением Имп. Академии наук ; Дополнение к Опыту областного великорусского словаря / ред. А. Х. Востоков. — Санкт-Петербург : В тип. Имп. акад. наук, 1852—1858. — 328 с.
2. Либерзон, 1988 — *Акты социально-экономической истории Севера России кон-ца XV—XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1479—1571 гг.* / АН СССР, Институт истории СССР, Ленинградское отделение ; составитель И. З. Либерзон. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1988. — 273 с.
3. Либерзон, 1990 — *Акты социально-экономической истории Севера России кон-ца XV—XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1572—1584 гг.* / АН СССР, Институт истории СССР, Ленинградское отделение ; составитель И. З. Либерзон. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1990. — 328 с.
4. Покровский — *Писцовые книги Обонежской Пятины : 1496 и 1563 гг.* : материа-лы по истории Карельской АССР / Академия наук СССР, Археографическая комиссия ;

под общей редакцией М. Н. Покровского. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1930. — IV. — 268 с.

5. СД — *Славянские древности* : этнолингвистический словарь : в 5 томах / Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики ; под общей редакцией Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — Т. 1—5.

6. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / под редакцией Ф. П. Филина, Ф. П. Сорокалетова, С. А. Мызникова. — Москва ; Ленинград, 1965—2013. — Выпуск 1—46.

7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. 4.

8. Чернякова, 1993 — *Писцовая* книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582 / 83 гг. : Заонежские погосты // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / редакторы И. А. Чернякова, К. Катаяла. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1993. — Т. III : Asiikirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. — С. 35—341.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксиологическая лингвистика* : лингвокультурные типы : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика. — Волгоград : Парадигма, 2005. — 310 с.

2. *Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах языка и речи / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики — 1982. — Москва : Наука, 1984. — С. 5—23.

3. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — Москва : Язык русской культуры, 1999. — 895 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

4. *Бартминьский Е.* Место ценностей в языковой картине мира / Е. Бартминьский // Эволюция ценностей в языках и культурах : сборник научных трудов / ответственный редактор И. А. Седакова. — Москва : Пробел-2000. — С. 51—80.

5. *Бартминьский Е.* Проект и принципы аксиологического словаря / Е. Бартминьский // Бартминьский Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике. — Москва, 2005. — С. 115—130.

6. *Белецкий А. А.* Лексикология и теория языкознания : ономастика / А. А. Белецкий. — Киев : Издательство Киевского университета, 1972. — 207 с.

7. *Березович Е. Л.* Ценности в русском языке начала XXI в. : новые темы в семантике старых слов / Е. Л. Березович // Язык и общество в современной России и в других странах : Международная конференция, Москва, 21—24 июня 2010 года : материалы и сообщения. — Москва : Тезаурус, 2010. — С. 477—480.

8. *Богачева М. В.* Отпрizziвные ойконимы как источник аксиологической информации / М. В. Богачева // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 8—12 сентября 2009 г. / Институт русского языка имени В. В. Виноградова [и др.] ; ответственный редактор Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2009. — С. 35—37.

9. *Болотов В. И.* Назывная сила имени и классификация существительных в языке и речи / В. И. Болотов // Восточнославянская ономастика : сборник статей / Академия наук СССР, Институт языкознания [и др.] ; ответственный редактор А. В. Суперанская. — Москва : Наука, 1979. — С. 47—58.

10. *Вепрева И. Т.* Наивная аксиология : метаязыковая интерпретация лексической семантики / И. Т. Вепрева // Уральский филологический вестник. Серия : Психоллингвистика в образовании. — 2015. — № 4. — С. 35—44.

11. Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / Л. Н. Виноградова. — Москва : Индрик, 2000. — 432 с.
12. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — Москва : Наука, 1985. — 228 с.
13. Гурская Ю. А. Система ценностей в антропонимической картине мира (на материале фамилий шляхетского сословия) / Ю. А. Гурская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 3 (45) : в 3-х ч. — Ч. I. — С. 39—42.
14. Журавлев А. Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики / А. Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание : проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры / РАН, Институт славяноведения. — Москва : Индрик, 1999. — С. 7—32.
15. Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / ответственный редактор С. М. Толстая. — Москва : Индрик, 2015. — 432 с.
16. Костюченкова Е. М. Экспликация ценностной картины мира субэтноса казаков в донском ономастиконе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. М. Костюченкова. — Нальчик, 2009. — 22 с.
17. Кюришунова И. А. Ценностные ориентиры русского человека сквозь призму имени собственного (по материалам региональной антропонимии XV—XVII вв.) / И. А. Кюришунова // Jezikoslovni zapiski. — 2015. — Выпуск 21, № 1. — С. 153—176.
18. Кюришунова И. А. Антропоцентрический аспект семантико-мотивационной реконструкции региональной исторической антропонимии / И. А. Кюришунова // Научный диалог. — 2016. — № 11. — С. 54—75.
19. Кюришунова И. А. Тюркское имя в антропонимиконе Карелии XV—XVII вв. / И. А. Кюришунова // Вестник Костромского государственного университета. Кострома, 2016. — Т. 22, № 5. — С. 149—155.
20. Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург, 2015. — 427 с.
21. Лосев А. М. Философия имени / А. М. Лосев. — Москва : Издательство Московского университета, 1990. — 269 с.
22. Лотман Ю. Миф—имя—культура / Ю. Лотман, Б. Успенский. — В книге : Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах / Ю. М. Лотман. — Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин : Александра, 1992. — С. 58—75.
23. Морозова М. Ю. Категория оценки в прозвищном антропонимиконе Тамбовской области : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. Ю. Морозова. — Тамбов, 2016. — 25 с.
24. Ненашева Т. А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени : монография / Т. А. Ненашева. — Нижний Новгород : Нижегородский технический университет, 2012. — 153 с.
25. Новикова О. Н. Изменение ценностных установок личности как основа динамики национального антропонимикона / О. Н. Новикова // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 4, № 2. — С. 429—431.
26. Руденко Д. И. Имя в парадигмах «философии языка» / Д. И. Руденко. — Харьков : Основа, 1990. — 298 с.
27. Рыгалина М. Г. Внешний вид русского человека : оценки и ценности (на материале русских фамилий Кольвано-Воскресенского горного округа конца XVIII века) /

М. Г. Рыгалина // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Международной научной конференции, Екатеринбург, 8—10 сентября 2012 г. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2012. — Ч. 2. — С. 89—90.

28. *Сергеева Л. А.* Об аксиологической природе прозвищ / Л. А. Сергеева // Номинация в ономастике : сборник научных трудов. / редкол. : М. Э. Рут (ответственный редактор.) [и др.]. — Свердловск : Издательство Уральского университета, 1991. — С. 147—151.

29. *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. — 4-е изд. — Москва : URSS, 2007. — 359 с.

30. *Стернин И. А.* Коммуникативное поведение в составе национальной культуры / И. А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания : сборник статей / ответственный редактор Н. В. Уфимцева. — Москва [б. и.], 1996. — С. 97—112.

31. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — Москва : Наука, 1973. — 366 с.

32. *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры : очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. — Москва : URSS, 2010. — 368 с.

33. *Топоров В. Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir-) / В. Н. Топоров // История, культура, этнография и фольклор славянских народов : XI Международный съезд славистов, Братислава, сентябрь 1993 г. : доклады российской делегации / ответственный редактор Г. Г. Литаврин. — Москва, 1993. — С. 3—118.

34. *Эволюция ценностей в языках и культурах* : сборник научных трудов / ответственный редактор И. А. Седакова. — Москва : Пробел-2000, 2011. — 240 с.

NON-CALENDAR PERSONAL NAMES IN THE ASPECT OF AXIOLOGY¹

© **Irina A. Kurshunova (2019)**, orcid.org/0000-0002-7232-8756, Doctor of Philology, associate professor of the department of russian as a foreign language, Institute of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University”; leading researcher of linguistics sector, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), kiam24@mail.ru.

The article is devoted to the axiological direction, which is practically not in demand in onomasiological studies, despite the attention to it of various humanities. Non-calendar personal names recorded in written sources relating to Karelian Pomerania and adjacent territories, which occasionally became the object of study, are involved in the analysis. Particular attention is paid to the structural and semantic features of non-calendar personal names. It is proved that the modified forms and motivational base of the studied anthroponymic units represented family values, among which the main place belongs to the child (especially the newborn, infant), his appearance and character traits. In addition to the transparent motive of individual nomination, there were hidden ones, called upon, same as nicknames, to promote successful family labor relations, as well as specific, different from secondary, nickname nominations, and designed

1 The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-012-00810.

to protect the child from unhappiness, illness, evil eye, thereby transforming a non-calendar personal name (mainly with an ethnocultural base) into a deceitful sign, again proving that the emergence and preservation of a new member of family society is extremely important for ancient Russian society.

Key words: axiology; historical anthroponymy; non-calendar personal name; literary texts; Karelia; Pomerania.

MATERIAL RESOURCES

- Chernyakova, I. A., Katayala, K. (eds.) (1993). Pistsovaya kniga Zaonezhskoy poloviny Obonezhskoy pyatiny 1582 / 83 gg.: Zaonezhskkiye pogosty. In: *Istoriya Karelii XVI—XVII vv. v dokumentakh, III: Asiagirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvulta*. Petrozavodsk; Yoyensuu: KNTs RAN. 35—341. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1986—1987). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t., 4*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Filin, F. P., Sorokaletov, F. P., Myznikov, S. A. (eds.) (1965—2013). *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 1—46*. Moskva; Leningrad. (In Russ.).
- Liberzon, I. Z. (sost.) (1988). *Akty sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severa Rossii kontsa XV—XVI v. Akty Solovetskogo monastyrya, 1479—1571 gg.* Leningrad: Nauka: Leningradskoe otdeleniye. (In Russ.).
- Liberzon, I. Z. (sost.) (1990). *Akty sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severa Rossii kontsa XV—XVI v. Akty Solovetskogo monastyrya, 1572—1584 gg.* Leningrad: Nauka: Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Pokrovskiy, M. N. (ed.). (1930). *Pistsovyye knigi Obonezhskoy Pyatiny: 1496 i 1563 gg.: materialy po istorii Karelskoy ASSR, IV*. Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (ed.). (1995—2012). *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskij slovar': v 5 t, 1—5*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russ.).
- Vostokov, A. Kh. (ed.). (1852—1858). *Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya, izd. Vtorym otdeleniyem Imp. Akademii nauk; Dopolneniye k Opytu oblastnogo velikorusskogo slovarya*. Sankt-Peterburg: V tip. Imp. akad. nauk. (In Russ.).

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (1984). Aksiologiya v mekhanizмах yazyka i rechi. In: *Problemy strukturnoy lingvistiki — 1982*. Moskva: Nauka. 5—23. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: Yazyk russkoy kultury. (Yazyk. Semiotika. Kultura). (In Russ.).
- Bartminskiy, E. (2000). Mesto tsennostey v yazykovoy kartine mira. In: Sedakova, I. A. (ed.) *Evolutsiya tsennostey v yazykakh i kulturakh: sbornik nauchnykh trudov*. Moskva: Probel. 51—80. (In Russ.).
- Bartminskiy, E. (2005). Proekt i printsipy aksiologicheskogo slovarya. In: Bartminskiy, E. *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike*. Moskva. 115—130. (In Russ.).
- Beletskiy, A. A. (1972). *Leksikologiya i teoriya yazykoznaniya: Onomastika*. Kiyev: Izdatelstvo Kiyevskogo universiteta. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2010). Tsennosti v russkom yazyke nachala XXI v.: novyye temy v semantike starykh slov. In: *Yazyk i obshchestvo v sovremennoy Rossii i v drugikh*

- stranakh: mezhdunarodnaya konferentsiya, Moskva, 21—24 iyunya 2010 goda: materialy i soobshcheniya*. Moskva: Tezarus. 477—480. (In Russ.).
- Bogacheva, M. V. (2009). Otprozvishchnyye oykonimy kak istochnik aksiologicheskoy informatsii. In: Berezovich, E. L. (ed.) *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Ekaterinburg, 8—12 sent. 2009 g. Institut russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova [i dr.]*. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 35—37. (In Russ.).
- Bolotov, V. I. (1979). Nazyvnyaya sila imeni i klassifikatsiya sushchestvitelnykh v yazyke i rechi. In: Superanskaya, A. V. (ed.) *Vostochnoslavyanskaya onomastika: sbornik statey*. Moskva: Nauka. 47—58.
- Gurskaya, Yu. A. (2015). Sistema tsennostey v antroponimicheskoy kartine mira (na materiale familii shlyakhetskogo sosloviya). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3 (45 / 1). Tambov: Gramota. 39—42. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (ed.). (2005). *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokulturnyye tipazhi: sbornik nauchnykh trudov*. Volgograd: Paradigma. (In Russ.).
- Kostyuchenkova, E. M. (2009). *Eksplikatsiya tsennostnoy kartiny mira subetnosa kazakov v donscom onomastikone: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. Nalchik. (In Russ.).
- Kyurshunova, I. A. (2015). Tsennostnyye oriyentiry russkogo cheloveka skvoz' prizmu imeni sobstvennogo (po materialam regionalnoy antroponomimii XV—XVII vv.). *Jezikoslovni zapiski*, 21 (1): 153—176. (In Russ.).
- Kyurshunova, I. A. (2016). Antropotsentricheskyy aspekt semantiko-motivatsionnoy rekonstruktsii regionalnoy istoricheskoy antroponomimii. *Nauchnyy dialog*, 11: 54—75. (In Russ.).
- Kyurshunova, I. A. (2016). Tyurkskoye imya v antroponomimikone Karelii XV—XVII vv. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 22 (5). 149—155. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. (2015). *Modeli i sfery reprezentatsii sotsialno-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk*. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Losev, A. M. (1990). *Filosofiya imeni*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Lotman, Yu., Uspenskiy, B. (1992). Mif—imya—kultura. In: Lotman Yu. M. *Izbrannyye statyi v trekh tomakh, I. Statyi po semiotike i topologii kultury*. Tallin: Aleksandra. 58—75. (In Russ.).
- Morozova, M. Yu. (2016). *Kategoriya otsenki v prozvishchnom antroponomimikone Tambovskoy oblasti: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. Tambov. (In Russ.).
- Nenasheva, T. A. (2012). *Konnotativnaya semantika referentno odnoznachnogo imeni: monografiya*. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy tekhnicheskii universitet. (In Russ.).
- Novikova, O. N. (2009). Izmeneniye tsennostnykh ustanovok lichnosti kak osnova dinamiki natsionalnogo antroponomimikona. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 4 (2): 429—431. (In Russ.).
- Rudenko, D. I. (1990). *Imya v paradigmakh «filosofii yazyka»*. Kharkov: Osnova. (In Russ.).
- Rygalina, M. G. (2012). Vneshniy vid russkogo cheloveka: otsenki i tsennosti (na materiale russkikh familii Kolyvano-Voskresenskogo gornogo okruga kontsa XVIII veka).

- In: *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Ekaterinburg, 8—10 sentyabrya 2012 g.*, 2. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 89—90. (In Russ.).
- Sedakova, I. A. (ed.) (2011). *Evolutsiya tsennostey v yazykakh i kulturakh: sbornik nauchnykh trudov*. Moskva: Probel-2000. (In Russ.).
- Sergeyeva, L. A. (1991). Ob aksiologicheskoy prirode prozvizhch. In: Rut, M. E. (ed.) *Nominatsiya v onomastike: sbornik nauchnykh trudov*. Sverdlovsk: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 147—151. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2007). *Imena, predikaty, predlozheniya. Semiologicheskaya grammatika*. Moskva: URSS. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (1996). Kommunikativnoye povedeniye v sostave natsionalnoy kultury. In: Ufimtseva, N. V. (ed.) *Etnokulturnaya spetsifika yazykovogo soznaniya: sbornik statey*. Moskva. 97—112. (In Russ.).
- Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (2010). *Semanticheskiye kategorii yazyka kultury: ocherki po slavyanskoy etnolingvistike*. Moskva: URSS. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (ed.) (2015). *Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kulture*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1993). Praslavyanskaya kultura v zerkale sobstvennykh imen (element *mir-). In: Litavrin, G. G. (ed.) *Istoriya, kultura, etnografiya i folklor slavyanskikh narodov: XI Mezhdunarodnyy sezd slavistov, Bratislava, sentyabr' 1993 g.: doklady rossiyskoy delegatsii*. Moskva. 3—118. (In Russ.).
- Vepreva, I. T. (2015). Naivnaya aksiologiya: metayazykovaya interpretatsiya leksicheskoy semantiki. *Uralskiy filologicheskij vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii*, 4: 35—44. (In Russ.).
- Vinogradova, L. N. (2000). *Narodnaya demonologiya i mifo-ritualnaya traditsiya slavyan*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Volf, E. M. (1985). *Funktsionalnaya semantika otsenki*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Zhuravlev, A. F. (1999). Drevneslavyanskaya fundamentalnaya aksiologiya v zerkale praslavyanskoy leksiki. In: *Slavyanskoye i balkanskoye yazykoznaniye: problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kultury*. Moskva: Indrik. 7—32. (In Russ.).